

В ЗАЩИТУ ДОГМЫ¹

Г.П. ГРАЙС, П.Ф. СТРОСОН

В статье «Две догмы эмпиризма»² профессор У. Куайн выдвинул ряд критических аргументов против предполагаемого различия между аналитическими и синтетическими утверждениями, а также против ряда связанных с этим различием понятий. Он говорит, что отвергает данное различие³. Мы хотим показать, что его критика данного различия не может служить основанием для того, чтобы его отвергнуть.

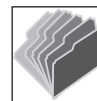
Существует много способов, с помощью которых можно критиковать некоторое различие. Критика может указывать на нечеткость различия (его применение к случаям, которые однозначно не подпадают ни под одну, ни под другую его часть) или же на неоднозначность терминов, используемых для его проведения (которые могут обладать более чем одним значением), или на его спутанность (смешение в нем нескольких значений). Сама по себе подобная критика вряд ли может служить основанием для неприятия различия, однако может служить введением к последующему разъяснению. Куайн же выступает с критикой иного рода.

Некоторое различие можно критиковать и на основании его бесполезности. Можно сказать, что оно бесполезно для определенных целей, совершенно бесполезно или, быть может, излишне педантично. Про того, кто критикует такое различие подобным образом, можно сказать, что он его не принимает, но только в том смысле, который одновременно обязывает его к признанию существования самого раз-

¹ Перевод выполнен по: *Grice P., Strawson P. In Defense of a Dogma // Philosophical Review. 1956. Vol. LXV. № 2. P. 141–158. – Прим. перев.*

² *Quine W.V.O. From a Logical Point of View. Cambridge, Mass. 1953.* (Здесь и далее цит. по: *Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков*; пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. – Прим. перев.).

³ С. 47.

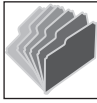
личия. Такой человек просто заявляет, что может обойтись и без него. Однако куайновское отрицание данного различия выглядит еще более радикальным. Он, разумеется, сказал бы, что может обойтись без этого различия, но при этом так, чтобы принимать допущения о его существовании.

Кроме этого можно критиковать способ или способы, которыми некоторое различие обычно изложено или объяснено, на основании недостаточной ясности таких объяснений. Куайн несомненно критикует различие между аналитическими и синтетическими утверждениями именно с такой позиции.

Однако он совершает, или по всей видимости совершает, и нечто гораздо большее. Он провозглашает, или по всей видимости провозглашает, не только то, что это различие бесполезно или прояснено не адекватным образом, но и то, что оно вообще является иллюзорным, а вера в его существование – философская ошибка. «То, что такое различие вообще должно быть проведено (С. 39), – говорит он, – есть неэмпирическая догма эмпириков, предмет метафизической веры». В этом отрывке он ставит под вопрос само существование такого различия; поэтому его отрицание данного различия, по всей видимости, сводится к отрицанию его существования.

Несомненно, такой крайний скептицизм в отношении какого бы то ни было различия, как правило, не обосновывается исключительно критикой попыток его прояснения, какой бы справедливой эта критика ни была сама по себе. Без всякого сомнения, как внутри философии, так и за ее пределами проводится множество различий, которые до сих пор нуждаются в должном философском прояснении. Однако мало кто пытается на этом основании провозгласить их иллюзорными. Статья Куайна, тем не менее, хотя и не полностью, но в немалой степени состоит из критики попыток разьяснения. Он также пытается установить причины веры в существование этого различия и предлагает свою позитивную концепцию, принятие которой, по его представлению, оказывается несовместимым с такой верой. Если некоторая изначальная презумпция реальности этого различия вообще существует, то радикальное неприятие Куайном такой презумпции должно основываться именно на этой части его статьи, ведь от неудач философского прояснения этого различия сама сила подобной презумпции никак не страдает.

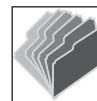
Существует ли такая презумпция в пользу реальности указанного различия? На первый взгляд нужно признать, что она существует. И отсылка к философской традиции, пожалуй, не возымеет должного воздействия, да она и не является необходимой. При этом стоит обратить внимание, что возражение Куайна относится не просто к словам «аналитическое» и «синтетическое», а к самому различию, которое, как предполагается, они выражают, а также к тому, что философы

множественно понимали под такими парами слов или выражений, как «необходимое» и «случайное», «априорное» и «эмпирическое», «относящееся к истинам разума» и «относящееся к истинам факта». Таким образом, Куайн определенно оказывается в конфликте с давней философской традицией, у которой не самая плохая репутация. Однако ограничиваться отсылкой к традиции вовсе не обязательно, поскольку существует и современная практика. Мы можем указать на то, что исследователи, пользующиеся терминами «аналитическое» и «синтетическое», выражают также значительное согласие и в том, что касается употребления этих терминов. Они применяют термин «аналитическое» к более или менее одинаковым случаям, воздерживаются от его употребления в более или менее одинаковых случаях и колеблются относительно более или менее одинаковых случаев. Это соглашение проявляется не только в хрестоматийных примерах, но и в новых ситуациях. Коротко говоря, термины «аналитическое» и «синтетическое» обладают более или менее установленным философским употреблением; а из этого, похоже, следует, что отрицание существования данного различия является абсурдным или даже бессмысленным. Ведь если некоторая пара противоположных друг другу выражений обычно употребляется в одних и тех же случаях, которые *не представляют собой законченный список*, то это само по себе достаточное основание, чтобы утверждать, что существуют *виды* случаев, к которым применяются эти выражения. Большого для проведения какого-либо различия не требуется.

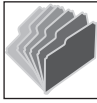
Принимая во внимание возможность подобной аргументации, можно усомниться в том, что Куайн действительно придерживается того радикального тезиса, который ему можно было бы приписать исходя из его собственных формулировок. Именно по этой причине мы делаем это приписывание лишь предварительно. Ведь из как минимум одной естественной трактовки этого крайнего тезиса следует, что когда мы говорим о чем-либо истинном как об аналитически истинном или о чем-либо другом истинном как о синтетически истинном, мы никогда не проводим границу между ними. Такую точку зрения ужасно трудно примирить с фактом устоявшейся философской практики употребления (т.е. с общим соглашением по поводу возможности его применения к открытому классу утверждений). По этой причине тезис Куайна лучше представить не как тезис, утверждающий, что *не существует вообще никакого различия*, проявляемого употреблением этих выражений, а как тезис, утверждающий, что природа и причины такого различия или различий совершенно неправильно понимаются теми, кто употребляет эти выражения, что истории, которые они сами себе рассказывают *об* этом различии, наполнены иллюзиями.

Мы полагаем, что Куайн вполне может принять эту поправку. А если так, то данную поправку можно положить в основу ответа на

тот аргумент, который изначально привел к ее введению. И сделать это можно следующим образом. Не секрет, что философы часто оказываются под властью иллюзий и ошибочных теорий. Предположим, что существует некая конкретная ошибочная теория языка или знания. В свете этой теории некоторые утверждения (высказывания или предложения) выглядят как обладающие свойствами, которыми ни одно суждение в действительности не обладает, или в отношении которых даже нельзя осмысленно предположить, что какое-либо утверждение ими может обладать, и которые ни один человек, который не находится осознанно или не осознанно под воздействием этой теории, не станет приписывать никакому утверждению. Предположим также, что существуют другие утверждения, которые в свете данной теории не обладают этим свойством, а также и утверждения, относительно которых исходя из содержания теории нельзя сказать, обладают они таким свойством или нет. Затем находящиеся под влиянием этой теории философы, стремясь обозначить предполагаемое наличие или отсутствие этого свойства при помощи пары противоположных выражений, говорят «аналитическое» и «синтетическое». При таких обстоятельствах все еще нельзя сказать, что различия, обозначенного использованием таких выражений, вовсе не существует, ибо имелось бы по крайней мере уже описанное нами различие (а именно, различие между утверждениями, представленными в теории как обладающие определенным свойством, и утверждениями, представленными как им не обладающие), а наряду с ним могли бы существовать и другие допустимые различия, отвечающие за упомянутую разницу в представленности утверждений.

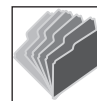
Определенно можно было бы сказать лишь то, что *того конкретного* различия, о котором эти философы думали, что обозначают посредством употребления соответствующих выражений, просто не существует. Также, по-видимому, возможно, что (поскольку свойство, о котором идет речь, является слишком абсурдным, чтобы приписывать его какому-либо утверждению) данные выражения, употребленные таким образом, были бессодержательными или не обладали никаким значением. Для того чтобы примирить факт устоявшегося философского употребления пары противоположных терминов с утверждением о том, что *то* различие, которое эти термины, как предполагалось, выражали, не существует вовсе, а не с утверждением о том, что не существует вообще никакого различия между классами утверждений, характеризуемых таким образом, нам нужно лишь допустить, что эта ошибочная теория была весьма правдоподобной и привлекательной. Мы думаем, что описанное выше определенное заявление (о несуществовании *того конкретного* различия) вероятно было бы достаточным для целей, которые ставил Куайн. Однако для обоснования подобного заявления в том отношении, которое мы описали выше, потребуются гораздо больше аргументов в дополнение к

тем, которые продемонстрировали, что такие-то объяснения соответствующего термина не соответствуют конкретным требованиям адекватности философского прояснения. И здесь потребуются не просто дополнительные аргументы, а аргументы совершенно другого рода. Ведь позиция, по которой *общая* презумпция заключается в утверждении о том, что философские различия воплощают в себе описанный нами вид иллюзии, была бы чрезмерно сильной. В целом кажется, что философы склонны делать слишком мало различий, а не слишком много. Скорее проводимые ими уподобления, а не различия, как правило, оказываются ложными.

До сих пор мы строили свои аргументы так, как если бы презумпция относительно существования различия, которое Куайн подвергает сомнению, основывалась лишь на установленном согласии *философского* употребления терминов «аналитическое» и «синтетическое». Презумпция, имеющая только такое основание, без сомнения, может быть подвергнута только что описанной нами стратегии критики. На самом же деле, если мы принимаем рассуждения Куайна по рассматриваемому вопросу, то данная презумпция оказывается основанной не только на описанном согласии употребления. Среди понятий, принадлежащих к группе аналитического, есть то, которое Куайн именует «когнитивная синонимия» и в терминах которого он допускает возможность формального разъяснения понятия «аналитическое». К сожалению, добавляет Куайн, понятие когнитивной синонимии оказывается столь же не проясненным, как и понятие аналитического. Сказать, что два выражения x и y когнитивно синонимичны, значит, в той или иной мере сказать то же самое, что мы обычно подразумеваем, когда говорим, что x и y обладают одним и тем же значением или что x значит то же самое, что y .

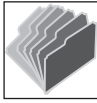
Если Куайн будет последовательно придерживаться своей крайней точки зрения, то получается, ему придется отстаивать не только отсутствие различия, которое мы думаем, что обозначаем терминами «аналитическое» и «синтетическое», но также и отсутствие различия, которое мы думаем, что обозначаем выражениями «значит то же самое» и «не значит то же самое». По крайней мере, он должен будет отстаивать отсутствие этого различия в той степени, в какой предполагается, что понятие «значит то же самое, что и» (в его применении к предикатным выражениям) отличается и выходит за пределы понятия «быть истинным относительно тех же объектов, что и». (Это последнее понятие, назовем его понятием «коэкстенциональность», Куайн рассматривает как вполне вразумительное, хотя, как он правильно отмечает, оно оказывается не достаточным для объяснения аналитичности.) Так как на этот раз он не может утверждать, что пара рассматриваемых выражений (а именно «значит то же самое», «не значит то же самое») представляет собой особое свойство, разработанное философами, описанная выше стратегия критики презумпции о существова-

нии отмеченного ими подлинного различия здесь больше не доступна (или, по крайней мере, оказывается гораздо менее вероятной). При этом отрицание реального существования этого различия (понимаемого как отличающегося от различия между понятиями коэкстенционального и не коэкстенционального) является совершенно парадоксальным. Оно, например, подразумевает утверждение о том, что человек, говорящий, что «холостяк» значит то же самое, что и «неженатый мужчина», но что «существо с почками» не значит то же самое, что и «существо с сердцем» (допуская, что два последних выражения коэкстенциональны), *либо* по факту вообще не привлекает внимания к какому-либо различию в отношениях между элементами каждой пары выражений, *либо* совершает философскую ошибку относительно природы различия между ними. И в том, и в другом случае произнесенное им и понятое так, как он хотел, чтобы его поняли, бессмысленно и абсурдно.

В более общем виде всегда бессмысленными или абсурдными оказываются утверждения, имеющие форму «предикаты x и y на самом деле применяются к одним и тем же объектам, но не обладают одним и тем же значением». Имеющийся здесь парадокс является даже более резким. Дело в том, что мы часто говорим о наличии или отсутствии отношений синонимии между видами выражений – например, союзами, разными видами частиц, целыми предложениями – в тех случаях, когда, как нам кажется, не существует какой-либо очевидной альтернативы для обычного понятия синонимии в том виде, в котором о коэкстенциональности говорят как о понятии, альтернативном понятию синонимии предикатов. Являются ли все подобные разговоры бессмысленными? Являются ли бессмысленными разговоры о правильном и неправильном *переводе* с одного языка на другой? Трудно поверить, что дело обстоит именно так. Но если нам и удастся в это поверить, то нам придется принять еще более сложные решения об отказе от многого другого. Если обсуждать синонимию предложений бессмысленно, то, по-видимому, бессмысленно и обсуждать обладание предложением вообще каким-либо смыслом. Ведь если бы было осмысленно говорить о том, что предложение имеет смысл или что оно что-то значит, то предположительно было бы осмысленно и спрашивать «что оно значит?». А если бы было осмысленно спрашивать «что оно значит?» применительно к предложению, то синонимию предложений можно было бы дать следующее приблизительное определение: два предложения являются синонимичными, если и только если истинный ответ на вопрос «что оно значит?», заданный в отношении одного предложения, был бы истинным ответом на тот же самый вопрос применительно к другому.

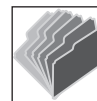
Мы, конечно, не утверждаем, что данное определение обладает какой-либо проясняющей силой. Мы хотим лишь показать, что, отказываясь от понятия синонимии предложений как от бессмысленного,

мы также должны отказаться как от бессмысленного и от понятия значимости предложения (т.е. от понятия обладания предложением смыслом). Но тогда нам, пожалуй, придется также отказаться и от понятия смысла. Похоже ясно, что здесь мы сталкиваемся с типичным примером философского парадокса. Вместо того чтобы изучать действительное употребление понятия «значить одно и то же», философ начинает исследовать его на предмет соответствия некоторому стандарту, который, по-видимому, является неподходящим (в нашем случае некоему стандарту доступности для прояснения), и на основании того, что данное понятие этому стандарту не соответствует или кажется, что не соответствует, философ отрицает его реальность, провозглашая его иллюзорным.

До сих пор мы утверждали, что имеет место некая сильная презумпция о существовании данного различия или различий, которая основывается как на философском, так и на обыденном употреблении и которую Куайн ставит под сомнение. Также мы утверждали, что эта презумпция ни в малейшей степени не ниспровергается тем фактом, если это и в самом деле факт, что рассматриваемые нами различия в некотором смысле не были прояснены адекватным образом. Теперь, пожалуй, самое время рассмотреть куайновское понятие адекватного прояснения.

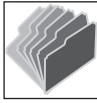
Основную мысль его статьи можно выразить примерно так. Существует некоторый круг или семейство выражений, одним из которых является выражение «аналитическое», и этот круг таков, что если одно из входящих в него выражений может быть рассмотрено как удовлетворительным образом понятое или объясненное, то другие члены этого круга могут вербально, а значит, и удовлетворительным образом быть объяснены в терминах этого выражения. К другим членам этого круга относятся выражения: «самопротиворечивое» (в широком смысле), «необходимое», «синонимичное», «семантическое правило» и, может быть, также (хотя опять же в широком смысле) «определение». Этот список можно продолжить. К сожалению, каждый представитель данного семейства сам по себе нуждается в таком же серьезном объяснении, как и любой другой. Приведем некоторые показательные цитаты: «Понятие самопротиворечивости в самом широком смысле, необходимое для определения аналитичности, нуждается в точно таком же прояснении, как и само понятие аналитичности» (С. 24). И вновь Куайн говорит о «понятии “синонимия”, которое нуждается в прояснении в неменьшей степени, чем сама аналитичность» (С. 27). И опять – о наречии «необходимо» как возможном кандидате для использования при объяснении синонимии он заявляет: «Действительно ли это наречие *имеет смысл*? Предполагать, что оно имеет смысл, значит предполагать, что *мы уже придали удовлетворительный смысл* слову “аналитический” (С. 33. Курсив наш. – Г.Г., П.С.)». Чтобы «успешно сформулировать, в чем смысл» одного из

этих выражений нужно, по всей видимости, выполнить два следующих условия: (1) представить объяснение, не содержащее какого-либо выражения, принадлежащего к этому кругу или семейству; (2) сделать так, чтобы это объяснение обладало тем же общим характером, что и отвергнутые объяснения, включающие в себя элементы этого круга или семейства (т.е. это объяснение должно указывать на некую общую черту всех тех случаев, к которым должно применяться, например слово «аналитическое»; это объяснение должно обладать такой же общей формой, как и объяснение, начинающееся с фразы «суждение является аналитическим, если и только если...»).

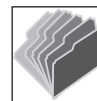
Следует признать, что Куайн не формулирует второе требование явным образом; однако поскольку он даже не рассматривает вопрос о возможной релевантности других видов объяснений, приписать ему принятие такого требования кажется вполне разумным. Если мы рассмотрим эти два условия вместе и обобщим получившийся результат, то может показаться, что Куайн требует, чтобы удовлетворительное объяснение выражения обладало формой довольно строгого определения, но при этом не опиралось на использование ни одного из членов группы взаимопределяемых терминов, к которой данное выражение относится. У нас вполне может возникнуть ощущение, что получение удовлетворительного объяснения является сложной задачей. В позиции Куайна есть и другой элемент, общие комментарии по которому мы уже дали перед тем, как исследовали вопрос о том, что (согласно Куайну) следует считать удовлетворительным объяснением. Этот элемент заключается в переходе от «у нас нет удовлетворительного смысла (мы не дали удовлетворительного объяснения) для *x*» к «*x* не имеет смысла».

По всей видимости, неразумно настаивать *в целом* на том, что доступность успешного объяснения в смысле, очерченном выше, является необходимым условием для того, чтобы выражение имело смысл. По всей видимости, сомнительно, что подобное объяснение вообще *когда-либо* могло бы быть дано. (Надежда на то, что такое объяснение существует сейчас или вообще существовало когда-либо, является надеждой редукционистского анализа в целом.) Даже если такое объяснение и можно привести для некоторых случаев, то можно было бы согласиться в целом с тем, что есть и другие случаи, относительно которых подобное объяснение не может быть приведено. Можно представить себе, например, группу выражений, включающую в себя выражения «морально неправильный», «заслуживающий порицания», «нарушение моральных правил» и т.д.; или группу выражений, состоящую из пропозициональных связок и таких слов, как «истина» и «ложь», «утверждение» (statement), «факт», «отрицание», «суждение» (assertion). Немногие согласились бы с тем, что относящиеся к одной из перечисленных групп выражения являются бессмысленными на том основании, что они не были определены фор-

мально (или даже на том основании, что их было невозможно определить формально), а были определены лишь в терминах членов этой же группы. Тем не менее можно сказать: несмотря на то что отсутствие удовлетворительного объяснения в описанном нами особом смысле не является *в общем виде* достаточной причиной для провозглашения того, что некоторое выражение является бессмысленным, оно является таковой для группы понятия аналитического. Однако любой, заявивший такое, должен будет сформулировать причину для подобной дискриминации каждого из членов данной группы. Единственная приемлемая причина относиться к выражениям данной группы строже, чем к остальным, состоит в уточнении соображения, которые мы уже рассматривали. Это соображение начинается с того, что сами по себе выражения «аналитическое» и «синтетическое» являются техническими философскими выражениями. Ответом на возражение, согласно которому другие выражения из рассматриваемого семейства, такие, как «значит то же самое», или «является несовместимым с», или «является самопротиворечивым» суть не технические выражения, а всеобщее достояние, без сомнения, будет оговорка, что для того, чтобы быть членами указанного семейства, эти выражения должны употребляться в особых скорректированных и точных смыслах (или псевдосмыслах), коими они не обладают в обычном употреблении. И тогда тот факт, что все принадлежащие этому кругу термины являются *либо* техническими, *либо* обыденными, но используемыми в особых скорректированных смыслах, может послужить для обоснования нашей крайней подозрительности относительно заявлений об обладании элементами круга каким-либо смыслом вообще, следовательно, этот факт может послужить и для обоснования нашего требования, согласно которому эти выражения должны пройти тест на осмысленность, который был бы слишком строгим для оценки осмысленности всех обыденно употребляемых выражений.

Данный тезис обладает некоторой силой, хотя мы и сомневаемся в том, что упомянутая особая корректировка смысла столь уж значима в каждом из случаев, насколько это предполагается. (Особенно сильно это сомнение в случае выражения «несовместимый» – подходящего примера выражения, входящего в словарь металогических терминов человека, не являющегося узким специалистом.) Но несмотря на некоторую силу, этот тезис все равно не позволяет нам обоснованно настаивать на прохождении соответствующими выражениями именно того теста на осмысленность, о котором мы здесь говорим. Тот факт (если он вообще является таковым), что эти выражения не могут быть объяснены в точности тем способом, на котором, по всей видимости, настаивает Куайн, не означает, что они не могут быть объяснены вовсе. И нет никакой необходимости в том, чтобы представлять их в виде врожденных идей. Они могут объясняться и объясняются другими менее формальными способами, чем те, кото-

рые рассматривает Куайн. (А тот факт, что они объясняются именно таким образом, соответствует тому обстоятельству, что, во-первых, имеется общая философская согласованность в их использовании и, во-вторых, что это использование является техническим или специально скорректированным.)

Кратко проиллюстрируем сказанное на примере одного из членов группы понятия аналитического. Допустим, что мы пытаемся объяснить кому-либо понятие *логической невозможности* (являющееся членом этой же группы и предположительно рассматриваемое Куайном в качестве такого же неясного, как и все другие члены) и решаем объяснить смысл этого понятия, продемонстрировав разницу между логической и естественной (или каузальной) невозможностью. В качестве примера логической невозможности можно рассмотреть взрослого трехлетнего ребенка, а в качестве естественной невозможности – трехлетнего ребенка, понимающего теорию типов Рассела. Предлагаем нашим ученикам вообразить два разговора, один из которых начинается с того, что некто (X) заявляет следующее:

(1) «Трехлетний ребенок моего соседа понимает теорию типов Рассела»,

тогда как другой разговор начинается с того, что некто (Y) заявляет:

(1') «Трехлетний ребенок моего соседа – взрослый».

Нельзя сказать, что было бы неуместно ответить X, восприняв его замечание как гиперболу, следующее:

(2) «Ты имеешь в виду, что это ребенок очень смысленый».

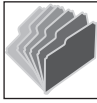
Если бы X сказал:

(3) «Нет, я имею в виду именно то, что сказал – он действительно ее понимает»,

то было бы естественно склониться к ответу:

(4) «Я тебе не верю – такое невозможно».

Однако если бы нам предъявили ребенка, и он (вопреки ожиданию) действительно верно изложил бы эту теорию, ответил на вопросы, сформулировал критику и т.д., то в конце концов пришлось бы признать, что заявление было истинным в буквальном смысле и что перед нами чудо-ребенок. Теперь рассмотрим возможную реакцию на заявление Y. Сначала она была бы сходна с реакцией, приведенной выше. Можно было бы сказать:

(2') «Ты имеешь в виду, что он на редкость разумен и развит не по годам».

Если Y ответит:

(3') «Нет, я имею в виду именно то, что говорю»,

то на это ему можно было бы ответить так:

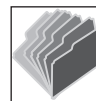
(4') «Наверное, ты имеешь в виду, что он перестал расти, или что он какой-то необычный, что он уже полностью развился».

Y отвечает:

(5') «Нет, он не необычный, он просто взрослый».

На этом этапе (или чуть позже, если хватит терпения) мы захотим сказать, что не понимаем, что говорит Y, а также начнем подозревать, что он просто не знает значения некоторых им же самим используемых слов. Так что, если он не будет готов признать, что использует слова в переносном или необычном смысле, то мы скажем не то, что мы ему не верим, а то, что его слова не имеют *никакого* смысла. И какое бы существо в конечном счете нам бы не представили для обозрения, это не приведет к тому, чтобы сказать: то, что сказал Y, является буквально истинным. В лучшем случае мы скажем, что теперь понимаем, что он имел в виду. В качестве вывода относительно разницы между этими двумя воображаемыми разговорами мы можем сказать, что в обоих случаях мы были склонны допускать, что говорящий употреблял слова в переносном, необычном или ограниченном смысле; но если мы далее сталкиваемся с его настойчивыми заверениями, что он говорит буквально, то в первом случае было бы приемлемым сказать, что мы ему не поверили, а во втором – что мы его не поняли. Если, подобно Паскалю, мы готовились бы к столкновению даже с крайне маловероятным, то в первом случае мы бы знали, к чему готовиться, тогда как во втором – понятия об этом не имели бы.

Мы привели этот пример в качестве одного из видов неформального объяснения, к которому можно прибегнуть в случае с понятиями из аналитической группы. (Мы не хотим сказать, что это единственный вид объяснения.) Последующие примеры, содержащие типы рассмотрения, отличные от приведенного выше, но все же с ним связанные, могли бы быть необходимыми для обучения нашего ученика употреблению понятия логической невозможности применительно к более сложным случаям, если бы он не уяснил этого понятия при первом объяснении. Разумеется, такой тип объяснения не порождает никакого формального выражения необходимых и достаточных условий для применения рассматриваемого нами понятия. Тем самым

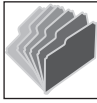

данный тип объяснения не выполняет одного из условий, которые Куайн считает необходимыми для удовлетворительного объяснения. В то же время кажется, что этот тип объяснения выполняет некоторое другое условие. Он вырывается из семейного круга. Различие, в которое мы в конечном счете упираемся, это различие между недоверием и непониманием или же между недоверием, пропускающим вперед себя убежденность, и непониманием, уступающим пониманию. Было бы опрометчиво утверждать, что это *различие* не нуждается в прояснении; но было бы абсурдно утверждать, что его не существует. В свете наличия такого неформального объяснения для понятий группы аналитического тот факт, что какое-либо другое объяснение для них отсутствует (хотя сомнительно, получали ли *когда-либо* подобное объяснение вообще *какие-либо* выражения), кажется совершенно недостаточным основанием, чтобы сделать вывод о том, что эти понятия являются псевдопонятиями, что выражения, через которые они определяются, не имеют никакого смысла.

Из сказанного не следует отрицания желательности отыскания некоей общей характеристики, которая пролила бы больше света на понятия этой группы, чем любая из существовавших до настоящего времени. Такое отыскание было бы достойной целью философского исследования. Однако вопрос о том, как это сделать (если такое вообще возможно), не имеет отношения к вопросу о том, обладают ли принадлежащие данному кругу выражения какими-либо доступным для понимания употреблением и устанавливают ли они подлинные различия.

До сих пор мы пытались продемонстрировать, что разделы с 1–4 статьи Куайна, основная мысль которых состоит в том, что понятия группы аналитического не получили удовлетворительного объяснения, не обосновывают того крайнего тезиса, который он, как кажется, отстаивает. Остается посмотреть, окажутся ли разделы 5 и 6, в которых предложены диагноз и позитивная теория, хоть в чем-то более успешными. Но прежде чем обратиться к этим разделам, осталось указать еще два важных пункта, относящихся к первым двум разделам.

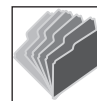
(1) Первый из них касается того, что Куайн говорит об *определении* и *синонимии*. Он отмечает, что определение не дает нам, как некоторые предполагали, «ключа ни к синонимии, ни к аналитичности», так как «определение, за исключением крайнего случая эксплицитного конвенционального введения нового способа записи, зависит от предыдущих отношений синонимии» (С. 30–31). Но рассмотрим, что он говорит об этих крайних случаях: «Здесь определяемое становится синонимичным с определяющим просто потому, что оно специально было создано с целью быть синонимом определяющего. Мы имеем действительно явный случай синонимии, созданной по определению; вот если бы все виды синонимии были такими понятными» (С. 29).

Итак, если мы принимаем слова Куайна всерьез, то *в целом* его позиция является непоследовательной. Она похожа на позицию человека, которому мы пытаемся объяснить, скажем, что значит, что одна вещь подходящим образом встраивается в другую вещь или что две вещи подходят друг к другу, и который говорит нам: «Я могу понять, что это значит, когда одна вещь подходящим образом встраивается в другую или когда две вещи подходят друг к другу, в том случае, когда одна из них была сделана для того, чтобы подходить к другой, но я не могу понять, что это значит в любом другом случае». Возможно, нам не следует в данном случае воспринимать слова Куайна слишком серьезно. В противном же случае у нас есть право спросить его о том, какое положение дел, по его мнению, *действительно* имеет место в случае эксплицитного определения, какое отношение между выражениями *действительно* устанавливается с помощью этой процедуры и почему он полагает неразумным предположение, согласно которому такое же (или почти аналогичное) положение дел или отношение может существовать и в отсутствие этой процедуры. Что касается нас, то мы склоняемся к тому, чтобы воспринимать слова Куайна (или некоторые из них) всерьез и поэтому изменяем его выводы на противоположные; мы придерживаемся позиции, согласно которой конвенциональное понятие синонимии было бы недоступно для понимания, если бы понятие синонимии по использованию изначально не предполагалось. Не может быть закона там, где нет обычая, и не может быть правил там, где нет соответствующих практик (хотя, возможно, мы лучше понимаем, в чем заключается конкретная практика, взглянув на правило).

(2) Второй пункт содержится на с. 32 книги Куайна: «Я не знаю, является ли высказывание “все зеленое протяженно” аналитическим. Действительно ли моя нерешительность относительно этого примера выдает неполное понимание, неполное схватывание “значений” слов “зеленое” и “протяженное”. Я не думаю. Проблема не в “зеленом” или “протяженном”, а в “аналитическом”».

Если все трудности, как говорит Куайн, вызваны словом «аналитическое», то, без всякого сомнения, они должны исчезнуть вместе с отказом от этого слова. Давайте заменим «аналитическое» словом «истинное», которое Куайн сам противопоставляет «аналитическому» как более понятное. Можно ли сказать, что наша нерешительность тут же исчезает? Думаем, что нет. Нерешительность, связанная со словом «аналитическое» (в равной степени такая же нерешительность связана и со словом «истина»), безусловно, возникает из-за нерешительности, которую мы испытываем, сталкиваясь с такими вопросами, как: «Следует ли нам считать *протяженной точкой* зеленого света?» Как часто бывает в подобных ситуациях, колебания возникают из-за того, что употребление не детерминирует границы применения слов для всех возможных направлений. Но выбранный Куайном

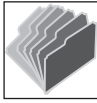
пример является особенно неудачным для его же тезиса, так как из него становится очевидно, что наши колебания *в данной ситуации* не имеют отношения к неясности слова “аналитическое”. Можно было бы подобрать другие примеры, в которых мы бы колебались в выборе между «аналитическим» и «синтетическим», но не имели бы особых сомнений относительно слова «истина». Однако данные колебания не предполагают с большей необходимостью, чем в рассматриваемом примере, какую-либо неясность в понятии аналитического, поскольку эти колебания были бы в достаточной мере вызваны той же самой или подобной неопределенностью в отношениях между словами, входящими в утверждение, относительно аналитичности или синтетичности которого и поднимался вопрос.

Теперь кратко рассмотрим позитивную теорию Куайна об отношениях между утверждениями, принимаемыми нами как истинные или отбрасываемыми как ложные, с одной стороны, и тем «опытом», в свете которого, мы их принимаем или отрицаем, – с другой. Данная теория является скорее смелым наброском, нежели четко сформулированной концепцией (См. с. 39–48). Мы только извлечем из нее два утверждения, одно из которых Куайн считает несовместимым с принятием различия между аналитическими и синтетическими утверждениями, а другое рассматривает как препятствие для одного подхода к объяснению этого различия. Мы попытаемся показать, что первое утверждение не является несовместимым с принятием указанного различия а, скорее наоборот в своей наиболее понятной интерпретации вполне совместимо с этим различием. Также попробуем показать, что второе утверждение делает приемлемым лишь тот способ объяснения, которому, по мнению Куайна, оно препятствует. Речь идет о двух следующих положениях:

(1) Иллюзорным является предположение о том, что существует какой-либо класс принимаемых утверждений, члены которого в принципе «обладают иммунитетом к пересмотру» в свете опыта и которые мы принимаем как истинные и должны будем дальше принимать в качестве таковых, что бы не случилось.

(2) Иллюзорным является предположение о том, что отдельное утверждение, рассматриваемое отдельно от связанных с ним утверждений, может вообще стать объектом подтверждения или опровержения. Не существует такого утверждения, относительно истинности или ложности которого можно было бы раз и навсегда определить на основании отдельного опыта или серии опытов вне зависимости от нашего отношения ко всем другим утверждениям.

Явную связь между этими двумя доктринами можно резюмировать следующим образом. Каким бы ни был наш опыт, в принципе всегда есть возможность продолжать придерживаться любого конкретного утверждения или отбросить его, если мы при этом готовы осуществить тщательный пересмотр в других областях нашей систе-

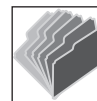
мы убеждений. На практике наш выбор в значительной мере определяется соображениями удобства: мы хотим, чтобы наша система была как можно более простой, но мы также хотим, чтобы за время ее существования претерпеваемые ею изменения были по возможности менее чувствительными.

Релевантность этих доктрин для различия аналитического и синтетического является более явной в первом случае, чем во втором.

(1) Вследствие иллюзорности предположения о том, что какому-либо утверждению присуще свойство обладания принципиальным иммунитетом от пересмотра при каком бы то ни было развитии событий, иллюзорным становится и предположение о том, что существует различие, которое можно провести между утверждениями, обладающими данным свойством, и утверждениями, которые им не обладают. И тем не менее именно это различие, по словам Куайна, проводят те, кто использует термины «аналитическое» и «синтетическое». Взгляды Куайна, возможно, также (хотя в рассматриваемой статье он явным образом это не оговаривает) включают в себя и то, что человек, верящий в существование данного различия, по крайней мере иногда склонен ошибочно принимать свойство сильно сопротивляться пересмотру (относящееся к верованиям, занимающим в системе центральное место) за мифическое свойство полного иммунитета от пересмотра.

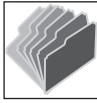
(2) Связь между вторым положением и различием аналитического и синтетического проходит, согласно Куайну, через верификационную теорию значения. Он говорит: «Итак, если верификационную теорию можно принять в качестве адекватного подхода к синонимии высказываний, то понятие аналитичности в конечном счете сохраняется» (С. 40). Это так, поскольку, во-первых, можно сказать, что два утверждения синонимичны, если и только если любые данные опыта, способствующие или, наоборот, не способствующие подтверждению одного суждения, в той же самой степени способствуют или, наоборот, не способствуют подтверждению другого; а, во-вторых, понятие синонимии можно использовать для объяснения аналитичности. Но Куайн, по-видимому, утверждает, что принятие какой бы то ни было версии синонимии может опираться только на ошибочное верование о том, что конкретные утверждения, рассмотренные отдельно от связанных с ними других утверждений, могут быть объектами подтверждения или опровержения. Как только мы отбрасываем идею о существовании некоего множества опытных условий истинности для каждого утверждения в отдельности, нам следует также отбросить идею объяснения синонимии при помощи тождественности таких множеств.

Демонстрацию того, что отношение между этими доктринами и различием аналитического и синтетического не является таким, каким его полагает Куайн, мы начнем с рассмотрения второй из них.

Нетрудно заметить, что ее принятие принуждает нас не к отказу от предложенного объяснения синонимии, а лишь к его пересмотру. Куайн не отрицает, что по факту конкретные утверждения рассматриваются как подтвержденные или опровергнутые, отвергаются или принимаются именно в свете опыта. Он отрицает лишь то, что отношения между единичными утверждениями и опытом существуют независимо от нашего отношения к *другим* утверждениям. Он хочет сказать, что опыт может подтверждать или опровергать конкретные положения только при наличии определенных допущений относительно истинности или ложности других утверждений. Перед лицом «неподатливого опыта», говорит он, мы всегда можем выбрать, в какие суждения следует вносить поправки. То, что мы должны отвергнуть, определяется тем, что мы стремимся сохранить. Эта точка зрения, однако, требует лишь небольшой модификации определения синонимии утверждений в терминах подтверждения и опровержения. Все, что мы должны теперь сказать, это то, что два утверждения являются синонимичными, если и только если любой опыт, который *при определенных допущениях об истинностных значениях остальных утверждений* подтверждает или опровергает одно из утверждений этой пары, также, *при тех же допущениях*, будет в той же степени подтверждать или опровергать другое утверждение этой же пары. В более общем виде Куайн стремится заменить то, что ему представляется слишком упрощенной картиной отношений подтверждения между конкретными суждениями и конкретным опытом, идеей менее строгих отношений, которую он именуется «уместностью» (*germaneness*) (С. 43). Однако каким бы нестрогим ни было понимание этой «уместности», оно не сделает бессмысленным рассмотрение двух утверждений как находящихся в одинаковом отношении уместности к одному и тому же конкретному опыту. Так что позиция Куайна не только совместима с понятием синонимии утверждений, но даже предполагает исправление подхода к пониманию этого понятия в рассмотренном направлении. Нас, безусловно, не интересует защита этого понимания, равно как и его более точная формулировка. Нас интересует лишь демонстрация того, что принятие куайновской доктрины об опытно подтверждении вопреки его словам не влечет за собой отказа от попыток определить синонимии утверждений в терминах подтверждения.

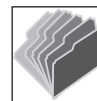
Итак, согласно этой теории, не существует суждений, которые бы обладали иммунитетом от пересмотра, и не существует утверждений, от которых нельзя было бы отказаться вследствие данных опыта. Принятие этой доктрины вполне согласуется с проведением различия между аналитическими и синтетическими утверждениями. При этом сторонник проведения *данного* различия должен настаивать и на проведении еще одного различия, а именно, различия между отказом, заключающимся лишь в принятии ложности, и отказом, заключающимся в изменении или отбрасывании некоторого понятия или множества

понятий. Любая форма слов, некогда рассматривавшаяся как выражающая нечто истинное, без сомнения, может в другое время рассматриваться как выражающая нечто ложное. Однако не только философы смогут отличить ситуацию, когда такой отказ происходит исключительно в результате очевидного изменения мнения относительно имеющих место фактов, и ситуацией, когда отказ происходит, по крайней мере, отчасти в результате изменения смысла слов. Если такое изменение смысла слов оказывается необходимым условием для изменения истинностного значения, то сторонник проведения данного различия сможет сказать, что рассматриваемая форма слов изменяется от выражения аналитического утверждения к выражению синтетического утверждения.

Мы не будем здесь останавливаться на разработке адекватной теории пересмотра понятий точно так же, как мы не будем останавливаться и на разработке адекватной теории синонимии. Если мы сможем отыскать смысл в идее о том, что одна и та же форма слов, рассмотренная одним образом (или имеющая одно значение), может выражать нечто истинное, а рассмотренная другим образом (или обладающая иным значением) – выражать нечто ложное, то мы сможем отыскать смысл и в идее пересмотра понятий. И тогда мы можем в полной мере сохранить и различие между аналитическим и синтетическим, уступая Куайну принципиальную возможность подвергать пересмотру все, произносимое нами. Что же касается идеи о том, что одни и те же формы слов, рассматриваемые по-разному, могут порождать разные смыслы и, быть может, употребляться для сообщения вещей, обладающих разными истинностными значениями, то бремя доказывания того, что мы имеем дело с ошибочной или запутанной идеей, полностью ложится на Куайна. Существенный пункт (или один из них), на который опирает Куайн, подчеркивая упомянутую возможность пересмотра, состоит в том, что не существует абсолютной необходимости в принятии или использовании какой бы то ни было концептуальной схемы, или, если высказываться в более узком смысле и в терминах, которые Куайн бы отверг, не существует аналитической пропозиции, такой, что мы *должны* были бы обладать лингвистическими формами, порождающими именно тот смысл, который требуется для выражения этой пропозиции. Однако одно дело согласиться со сказанным, и совсем другое дело сказать, что нет ничего необходимого внутри какой бы то ни было принимаемой или используемой нами концептуальной схеме, или же, в более узком смысле, не существует лингвистических форм, выражающих аналитические пропозиции.

Сторонник проведения различия между аналитическим и синтетическим может пойти еще дальше и согласиться с существованием случаев (особенно, по-видимому, в сфере науки), когда бессмысленно ставить вопрос о том, вызвано изменение приписываемого утверж-

дению истинностного значения концептуальным пересмотром или нет, и соответственно бессмысленно настаивать на различии аналитического и синтетического. Мы не можем привести примеры таких случаев, но наша неспособность это сделать вполне может быть просто следствием нашего научного невежества. В любом случае существование утверждений, относительно которых бессмысленно ставить вопрос об их аналитичности или синтетичности (если такие утверждения вообще существуют), не влечет за собой отсутствия утверждений, которые можно было бы без труда отнести к той или другой категории, равно как и отсутствия утверждений, в классификации которых мы можем быть не уверены по разным причинам, таким, как, например, возможность альтернативной интерпретации выражающих их лингвистических форм.

На этом мы завершаем обзор статьи Куайна. Очевидно, что наши цели были негативными. Мы хотели лишь показать несостоятельность обвинений Куайна против существования различия между аналитическим и синтетическим. Его статья состоит из двух частей. В одной из них понятия из аналитической группы подвергаются критике на основании отсутствия их адекватного объяснения. В другой части разрабатывается позитивная теория истины, предположительно несовместимая со взглядами, разделяемыми или почти разделяемыми сторонниками различия аналитического и синтетического. На самом же деле, как мы пытались показать, не было приведено ни единого пункта, который человек, принимающий понятия из группы аналитического, не мог бы согласовать с собственной системой верований. Сказанное совсем не предполагает отрицания крайней важности многих из поднятых вопросов в связи с проблемой предоставления удовлетворительного общего описания аналитичности и связанных с ней понятий. В настоящей статье мы всего лишь подвергли критике позицию, оправдывающую отказ от различия между аналитическими и синтетическими утверждениями и понятиями того же семейства как от иллюзорных.

Перевод с английского В.В. Долгорукова